

На снимке Тун Цинлу предстала в однотонном платье из тончайшего шелка с богатой ручной вышивкой. Она стояла, чуть склонив голову и опустив веки, а в руках сжимала старинный меч, покрытый сложной вязью узоров.

Порывистый ветер трепал ее одежды, заставляя многослойный подол колыхаться и расходиться тяжелыми волнами.

Она замерла на крыше изящной пагоды, возведенной в древнем стиле. За ее спиной ревел «перевернутый» водопад — горные ключи, вопреки законам природы, стремительно неслись от подножия к самым вершинам.

Фигура актрисы занимала лишь малую часть кадра. Огромный мир, окутанный дымкой и облаками, и развевающиеся полы светлых одежд делали ее похожей на истинную фею, сошедшую с небесных чертогов.

Это одеяние было выкуплено за баснословные деньги у прославленного мастера вышивки, а меч — уникальная реплика древнего артефакта тысячелетней давности, воссозданная кузнецом-ремесленником в единственном экземпляре. Каждый миллиметр клинка был испещрен крошечными иероглифами.

Костюм, реквизит, локация — всё было доведено до совершенства. Каждая деталь на этом рекламном снимке буквально кричала о безграничной власти капитала.

Подобное качество картинки не просто оставляло позади обычные сериалы, оно с легкостью наносило сокрушительный удар по многим так называемым «блокбастерам». В отличие от привычных для киноиндустрии схем по отмыванию денег, инвестиции Фан Чжо были честными — каждый вложенный юань превращался в реальный шелк, металл и декорации.

Реакция публики не заставила себя ждать. Стоило кадру появиться в сети, как волна насмешек мгновенно сменилась изумлением.

«Это что, компьютерная графика? Черт возьми, только не говорите мне, что это реальные съемки!»

«Богиня прекрасна! Я буду твоим фанатом до конца жизни! Это платье так похоже на экспонат, который я видела в прошлом месяце в Музее текстиля... Такое же изысканное и нежное».

«Это и есть тот самый экспонат. А меч в руках Тун-тун — работа того самого кузнеца-миллионника из зоныковки. Он ковал его вручную больше полугода, постоянно прерывая стримы».

«Если я не ошибаюсь, украшение из перьев в ее волосах — это же юнхуа, "бархатные цветы"? Во всей Федерации осталось от силы несколько десятков мастеров, владеющих этой техникой. Такой крупный аксессуар стоит не меньше ста тысяч...»

«Где те умники, что прочили бюджет меньше миллиона? Один этот образ стоит дороже. Так сложно признать, что кто-то действительно богат? ^^ Фан-гэ — лучший, продолжай заваливать мою девочку ресурсами!»

«Я всё еще не понимаю, что такое короткометражка, но стоимость производства здесь явно выше, чем у большинства S-проектов на платформах. Когда релиз? Хочу увидеть готовый продукт».

«Скажу жуткую вещь: я начинаю подозревать, что Чжан Кайган в титрах — это именно тот самый Чжан Кайган...»

«Ха-ха-ха, ну это вы уже размечтались. Мастер Кайган никогда не опустится до короткого метра».

«Боже, как вас легко обмануть. Одной картинке хватило, чтобы вы развесили уши? Технологии шагнули далеко вперед, отфотошопить можно что угодно. Дайте мне исходник, и я сделаю не хуже».

«Пока не увидят гроб — слез не проронят. Что ж, раз все ждут, я тоже подожду. Посмотрим, кто будет рыдать после премьеры».

Шквал обвинений и сомнений, бушевавший весь день, был практически полностью подавлен этим единственным кадром. И хотя в комментариях еще встречались скептики, негативный тренд в Старнете на глазах превратился в поток восхищения.

Ожидания простых обывателей взлетели до небес; даже недоброжелатели теперь караулили выход первой серии, чтобы увидеть всё своими глазами. Всего одна фотография обеспечила такой рекламный эффект, которого другие проекты добивались месяцами прогревов.

В то время как в сети кипели страсти, на съемочной площадке это никак не сказывалось на эффективности работы. В отличие от нервозности, сопровождавшей первый релиз песен, теперь сотрудники знали: босс с легкостью превращает любой негатив в хайп. Настроение в команде оставалось предельно стабильным.

В личные сообщения Тун Цинлу за один только полдень пришло несколько десятков предложений от других агентств, пытавшихся переманить ее к себе. Однако теперь девушка обрела иммунитет к яду в комментариях и даже со смехом пересказывала содержание писем

своей помощнице.

Уже в первый день Чжан Кайган запланировал более десяти сцен. Работа закипела с полудня и затянулась до десяти вечера.

Как и в большом кино, они использовали метод нелинейной съемки. Последним на сегодня эпизодом стала грандиозная сцена воссоединения матери и сына. Этот момент должен был стать ключевой эмоциональной точкой всей истории, на которой зритель не сможет не нажать кнопку «оплатить следующую серию».

Фан Чжо прибыл на площадку около девяти вечера, чтобы лично проконтролировать съемку этого важнейшего фрагмента.

По сюжету затвор сына главной героини, Лин Чэ, находился на вершине неприступного пика. Героиня падает на площади перед воротами, и в этот момент пьяный слуга наносит ей сокрушительный удар ногой в грудь.

Тун Цинлу сменила изысканный наряд на нежно-желтые одежды. С ее большими округлыми глазами она выглядела как пятнадцатилетняя девушка — хрупкая и невинная, и этот образ ничуть не казался натянутым.

Когда камера начала медленное движение, на лице актрисы отразилась не слабость жертвы, а непоколебимая, стальная гордость.

Фан Чжо и Чжан Кайган сидели бок о бок перед мониторами. Босс Фан наблюдал за происходящим с непроницаемым выражением лица, скрестив руки на груди, а режиссер молча потягивал воду. В отличие от рядовых сотрудников, увлеченных сюжетом, они оценивали то, как актерское мастерство воплощает сценарий — ведь именно это должно было зацепить зрителя.

На самом деле, оригинальный сценарий, предоставленный системой, был довольно тяжелым. Первые строки могли создать впечатление, что Лин Чэ — бесхребетная жертва. Но интерпретация актрисы добавила персонажу глубины: даже потеряв всю мощь и оказавшись в теле подростка, она отчаянно сопротивлялась издевательствам.

Ее взгляд — холодный и надменный — заставлял поверить, что в этом хрупком теле действительно живет душа высокомерной заклинательницы, привыкшей к преклонению.

Кровь, брызнувшая из ее рта, залила нежно-желтый шелк, но она, преодолевая боль, упрямо ползла к дверям, пытаясь дозваться сына.

И именно в этот миг створки распахнулись.

Миновала тысяча лет. Маленький мальчик из ее воспоминаний превратился в седовласого старца с белоснежной бородой.

Едва взглянув на своего ребенка, Тун Цинлу не выдержала — крупные слезы покатались из ее глаз. В ее взгляде не было радости от грядущего возмездия, лишь безграничная материнская тоска и щемящая боль за сына.

Эта игра выходила далеко за рамки сценария. Она показала истинную реакцию матери, которая вновь видит своего ребенка спустя вечность. Этот фрагмент можно было без правок вставлять в любой оскароносный фильм.

Поддавшись ее порыву, пожилой актер, игравший сына Лин Чэ, тоже не сдержал слез. Его голос дрогнул, когда он выдохнул одно-единственное слово:

— Матушка...

Фан Чжо удовлетворенно откинулся на спинку кресла. С такой проработкой сцены он мог больше не беспокоиться о доходах.

Мощный поток духовной энергии влился в ее тело, омывая поврежденные меридианы словно теплой водой. Напряженно сведенные брови актрисы наконец расслабились. Она бережно взяла лицо сына в свои ладони, осторожно касаясь каждой морщинки:

— Лин-лин вырос... Дай же матушке рассмотреть тебя получше...

И величайший мастер современности Си Лилин, словно маленький ребенок, прижался к коленям матери. Проплакав несколько минут, он наконец опомнился:

— Мама, кто посмел ранить тебя?

Взгляд Лин Чэ скользнул в сторону. Слуги, только что безнаказанно избивавшие ее, теперь дрожали как осиновые листья. Они рухнули на колени, вжавшись лбами в землю.

Эти люди ударили ее, даже не удосужившись задать вопрос — просто потому, что увидели ученицу внешней школы у священного затвора. Более того, они пьянствовали на посту, что по законам секты каралось ссылкой на самые тяжелые и грязные работы.

Си Лилин не стал отправлять их во внешнюю школу. В ярости он изгнал их навсегда, запретив даже приближаться к воротам Секты меча.

Это было суровое наказание. Девушка остановилась перед ними. Хмель у слуг давно выветрился, сменившись ледяным ужасом; они наперебой молили ее о пощаде.

Но короткометражки, в отличие от затянутых драм с их неуместным всепрощением, строятся на чувстве торжества справедливости. После десятков минут унижений зритель должен получить чистый, концентрированный триумф. Главная героиня не собиралась прощать обидчиков. Ее девизом была кровная месть.

«Пах!» — три тяжелых пощечины, наполненных духовной силой, обрушились на лица слуг.

Получив энергию от сына, она чувствовала, как мощь вновь наполняет ее жилы. Мужчины взвыли от боли; изо рта у них хлынула кровь, а тела скорчились так, что они не могли даже разогнуться.

— Ваше изгнание — это кара за пренебрежение долгом и самоуправство. Таковы правила Секты меча.

Она чуть вздернула подбородок, и в ее облике проступила ледяная беспристрастность.

— Мои пощечины — это плата за ваши побои и несправедливость. Таковы мои личные правила.

— Снято! — Чжан Кайган лично ударил в хлопушку и поднял большой палец вверх, приветствуя актеров.

Сказать по правде, перед началом съемок режиссер сильно сомневался. Хотя сценарий не требовал шекспировских высот, приглашение айдола без опыта казалось ему авантюрой. Но после сегодняшнего дня он смотрел на Тун Цинлу совсем иными глазами. Он не удержался и шепотом спросил у подошедшего Фан Чжо:

— Как ты ее нашел? Неужели правда то, что пишут в сети — встретил в торговом центре?

Босс Фан поднес палец к губам:

— Это тайна.

— У тебя чутье посильнее, чем у многих кастинг-директоров, — режиссер покачал головой. — Я и не ожидал, что она сможет так сыграть... Если она выдержит такой темп, в будущем она легко пробьется во второй эшелон звезд. Жаль только, что время упущено. Если бы она прославилась три года назад, ее возможности были бы куда шире.

Но в жизни не бывает сослагательного наклонения. Тун Цинлу не только находилась под гнетом семь лет, но и едва не лишилась своего лица из-за принудительной пластики — ее

судьба могла сложиться трагически.

Однако раз Фан Чжо вытащил ее из этой грязи, он не позволит своему объекту инвестиций упасть обратно.

Та самая девушка-агент, что сдавала площадку, тоже крутилась неподалеку, поглощая семечки и наблюдая за процессом. Босс Фан краем уха слышал их разговор.

— Оказывается, короткометражки — это вот так. Совсем не похоже на обычное мыло, так затягивает... Я здесь весь день торчу, жду, когда героиня наконец всем покажет.

— Когда уже того гада из внешней школы, что зажимал ей пальцы, накажут? Я чуть не взорвалась от злости на том моменте.

— Завтра приходи, наверняка завтра снимать будут.

— Я думала дождаться релиза на платформе, но теперь и дня ждать не могу. Хочу увидеть, как она ему по роже съездит, прямо сейчас!

Агент собрала шелуху и уже собиралась уходить вместе с остальной массовкой, когда случайно заметила в ночном небе светящийся след. Обычные рейсы в этот час уже не летали. Кто мог прибыть на 45-ю звезду в полночь?

Она недоуменно протерла глаза. В следующее мгновение далекая точка исчезла, оставив после себя лишь едва заметный белесый росчерк.

Странно всё это.

Внутри арендованного корабля-невидимки мужчина до упора выжал рычаг ускорения.

[Юй Ю, когда будешь на месте?]

[Ты должен заснять их площадку во всех подробностях, понял? И постарайся покрупнее снять реквизит в подсобках]

Мужчина по имени Юй Ю был профессиональным папарацци. В отличие от одиночек, он работал на крупные агентства, выполняя коммерческие заказы по сбору компромата на

конкурентов. Чаще всего его нанимал Жуань Цзыхань.

«Деньги не пахнут, — рассудил он про себя, — и задавать лишние вопросы я не привык. У этих звезд вечно какие-то психологические проблемы. Кто знает, может, господину Жуаню просто нравится подглядывать за чужой жизнью? В этом нет ничего странного».

Дорогой корабль с системой маскировки тоже был оплачен нанимателем. Юй Ю почесал затылок, гадая, чем этот «Гигант» так насолил господину Жуаню.

Он добрался до шлюза уже после полуночи — идеальное время, чтобы проскользнуть внутрь незамеченным.

Прихватив оборудование, Юй Ю пригнулся. Он был на 45-й звезде впервые. Сверившись с картой у терминала, он быстрым шагом направился к локации, обозначенной как «База съемок короткометражки "Прапрабабушка"».

У входа действительно висела табличка. Скрывшись в густых зарослях, он увидел, что площадка до сих пор залита светом. До него донеслись отрывистые команды режиссера.

[Брат Жуань, кажется, они всё еще снимают. Я сейчас начну прямую запись]

<http://bllate.org/book/15855/1435214>